

ТЕКСТОЛОГИЯ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Трудно переоценить важность текстологического изучения источников. Можно было бы привести немало примеров того, как отсутствие подобного исследования или его ошибочность способствовали ошибочности исторической концепции. (Достаточно вспомнить хотя бы «норманнскую» теорию происхождения Русского государства, «источниковедческую базу» которой составляла, прежде всего, текстологическая неисследованность летописных известий о «призвании варягов»).

Советские исследователи в текстологической работе исходят из принципов, которые могут быть сведены к трем основным положениям. 1. Текстологическое изучение источников, предшествующее извлечению из них новых исторических данных, должно в максимальной степени опираться на имеющиеся уже данные об условиях и обстановке, в которой эти источники появились, т. е. любой текст должен рассматриваться как факт общественной жизни, как прямое или косвенное проявление идейной, политической, экономической классовой и внутриклассовой борьбы, как отражение (прямое или косвенное), производственных отношений своего времени. 2. Каждый текст должен исследоваться текстологом в сравнении с другими текстами: должен быть выявлен и объяснен возможно более полно генезис текстов изучаемых источников. 3. Взаимосвязи эти должны изучаться исторически — не только в том смысле, что тексты отражают историю общества, а и в том смысле, что каждый текст есть звено исторически развивавшейся системы текстов данного типа, составляющей, в свою очередь, часть исторически развивавшейся системы всей письменности данного народа в данную историческую эпоху.

Первое из этих положений в целом есть достижение советской текстологии. Даже наиболее выдающийся из русских текстологов дореволюционного времени — академик А. А. Шахматов не шел в этом отношении дальше признания политической целенаправленности источников, хотя уже во многих из его работ собственно текстологическое изучение сопровождалось и подкреплялось анализом исторической обстановки. Что же касается двух остальных положений, то главная роль в их практической разработке (а отчасти — и в теоретическом осмыслении) принадлежит именно А. А. Шахматову. Он оказал огромное влияние и на современных ему и на советских текстологов — влияние не во всех случаях субъективно осознававшееся и осознаваемое ими, но тем не менее бесспорное.

За сорок шесть лет, прошедших после смерти А. А. Шахматова, наша текстология прошла большой путь. Главное направление этого развития сводилось в теоретическом отношении к двум моментам: к перестройке методологической основы текстологической работы и к распространению принципов текстологической методики А. А. Шахматова на изучение все

более широкого и все более разнообразного круга источников. Развивалась дальше и сама методика, не только в трудах историков, но и в трудах литературоведов. При этом, если практическая работа в данной области историками почти все время велась очень интенсивно и результативно, то иначе обстояло дело с теоретической разработкой ими текстологических проблем. Пока в этой связи можно было бы назвать лишь несколько статей по отдельным вопросам и попутное (обычно — довольно беглое) освещение этих проблем в общих руководствах и учебных курсах, а также в некоторых исследованиях не теоретического характера. Литературоведы уделяли и уделяют гораздо больше внимания обобщению имеющегося опыта. Особенно знаменательными в этом отношении были последние годы. В 1962 г. вышли в свет два крупных труда — коллективная монография под ред. В. С. Нечаевой и монография чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева, дополненная через два года его же кратким очерком текстологии¹. В том же 1962 г. были опубликованы посмертно «Основы текстологии» Б. М. Эйхенбаума², а в 1963 г. появились первые работы исследователей фольклора с широкой постановкой текстологических проблем фольклористики³. Вокруг всех этих работ уже ведется дискуссия в печати — пока только в литературоведческом аспекте.

Между тем названные труды представляют существенный интерес и для исторической науки. Правда, «Основы текстологии» под ред. В. С. Нечаевой, как и работа Б. М. Эйхенбаума, адресованы исключительно литературоведам (и отвечают в первую очередь практическим потребностям научного издания художественной литературы). В гораздо меньшей степени такой профиль свойственен работе Д. С. Лихачева. Объясняется это прежде всего спецификой самого материала. Книга Д. С. Лихачева базируется на письменности XI—XVII вв., которая в несравненно большей степени, чем художественная литература нового времени, является объектом собственно источниковедческих исследований. Результаты текстологического изучения памятников древнерусской письменности интересуют в первую очередь историков часто даже тогда, когда само изучение произведено филологом. Классический пример тому — труды А. А. Шахматова по летописанию. Монография Д. С. Лихачева, в значительной мере использующая наследие А. А. Шахматова и опыт советских историков, содержит и оригинальные идеи, любопытные для историков не в меньшей степени, чем для литературоведов. Это прежде всего понимание Д. С. Лихачевым самой текстологии как научной дисциплины, представления автора о предмете текстологического исследования и о сущности «истории текста», теоретическая трактовка основных текстологических понятий — и связанные со всем этим практические рекомендации. Указанные особенности монографии Д. С. Лихачева побудили избрать именно ее главным отправным пунктом предлагаемых ниже заметок⁴. Заметки эти представляют собой попытку начать (а отчасти — продолжить) обсуждение некоторых из наиболее актуальных, с нашей точки зрения, для историков проблем современной текстологии.

¹ «Основы текстологии», под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962; Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., М.—Л., 1962; его же. Текстология. Краткий очерк, М.—Л., 1964.

² Б. Эйхенбаум. Основы текстологии. Редактор и книга. Сб. статей, вып. III. М., 1962.

³ К. В. Чистов. Современные проблемы текстологии русского фольклора, М., 1963; Б. Путилов. Современная фольклористика и проблемы текстологии. «Русская литература», 1963, № 4.

⁴ Ссылки на страницы книги Д. С. Лихачева «Текстология на материале русской литературы X—XVII вв.» даются в тексте.

1. ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Во всех названных трудах и в последовавших откликах литературоведов на эти труды специально обсуждался вопрос о месте текстологии в системе отраслей науки. Особенное внимание уделил этому Д. С. Лихачев. Он писал, что текстология — «самостоятельная наука, изучающая историю текста произведений» (538), и что «в изучении исторических источников задачи текстологии механически и крайне неточно разделены между источниковедением и археографией» (4). Отказ автора признать текстологию вспомогательной дисциплиной (в первую очередь применительно к изучению древнерусской литературы) был встречен по-разному. А. Н. Робинсоном этот тезис Д. С. Лихачева был признан до известной степени правомерным. Противоположное мнение высказали чл.-корр. АН СССР П. Н. Берков и Б. Я. Бухштаб⁵.

В своем «Кратком очерке» Д. С. Лихачев уже не настаивает на «самостоятельности» текстологии, а настаивает на ее «филологичности». «Если не признавать устаревшим,— пишет он,— термин «вспомогательные дисциплины» (такого рода признания есть и у нас, и на Западе), то это вспомогательная филологическая дисциплина. Она остается филологической даже тогда, когда изучает историю текстов исторических источников (летописей, копийных книг, революционных прокламаций и пр.)»⁶.

Надо сказать, что термин «филология» имеет сложную историю. Имели место, например, такие его толкования, которые позволяют включать в филологию историческое источниковедение и даже историческую науку в целом. В настоящее время филологическими науками у нас принято называть литературоведение и языкознание. Поэтому тезис Д. С. Лихачева, что текстология — филологическая дисциплина, высказанный без пояснения того, что сам автор понимает под филологией, практически есть утверждение о литературоведческой природе текстологических исследований — утверждение, распространяемое и на исследования любых документов, в том числе «копийных книг, революционных прокламаций и пр.» Гораздо осторожнее высказывался в аналогичной связи крупнейший советский текстолог-литературовед Б. В. Томашевский. Имея в виду только текстологию художественной литературы, он тем не менее писал, что «это — практическая дисциплина, во многом являющаяся особого рода прикладной филологией»⁷.

Если говорить об объектах текстологического изучения, то любой текст может быть признан историческим источником, однако далеко не каждый текст может быть назван явлением литературным. Этим в значительной мере и определяется фактическое соотношение источниковедения, текстологии и литературоведения.

Источниковедением принято называть изучение письменных исторических источников (хотя есть и другие виды их). Литературоведением называют изучение художественной литературы (хотя есть и другие виды ее — научная, политическая и т. п.). Так как всякое произведение письменности — исторический источник, литературоведение — в той его части, которая изучает непосредственно литературные произведения, — могло бы быть признано одной из областей исторического источниковедения (равно как и изучение любой отрасли «нехудожественной» литературы). Это обстоятельство нисколько не умаляет очень большой и независимой от исторической науки общественной роли литературоведения.

⁵ А. Н. Робинсон. Текстология как самостоятельная наука. «Език и литература», София, 1963, № 5, стр. 112; П. Берков. Проблемы современной текстологии. «Вопросы литературы», 1963, № 12, стр. 84; Б. Бухштаб. Что же такое текстология? «Русская литература», 1965, № 1, стр. 66.

⁶ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 7.

⁷ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е, М., 1959, стр. 30 (Подчеркнуто мной.— С. А.).

Функция литературы — удовлетворение духовных запросов общества. Но и сами эти запросы, и все явления, ими вызываемые, — это факты истории общества. Поэтому и любое исследование отражения таких фактов в письменности может быть в определенном смысле названо источниковедческим. Соответственно и выводы литературоведческих работ суммируются историками, когда речь идет об истории общественного сознания того или иного народа (то же относится, например, и к выводам работ, изучающих труды по философии, памятники общественной мысли, политические учения, историю различных отраслей науки и т. п.). Разумеется, «собственно» литературоведческие исследования по своей сущности отличаются весьма радикально от исследований «собственно» источниковедческих. Поэтому первые лишь очень условно могут быть отнесены к области исторического источниковедения.

Совершенно иное положение в сфере текстологической работы. Здесь дело уже не только в том, что общим является объект изучения (тексты) и что результаты изучения всегда объективно представляют собой материал для исторической науки (независимо от того, кто исследователь — историк или литературовед). Метод текстологического исследования и у историков, и у литературоведов — один и тот же. Неудивительно в связи с этим, что конкретная методика, разработанная А. А. Шахматовым на более или менее «нейтральном» материале летописей, была затем успешно применена историками к документам, не имеющим литературного характера, а литературоведами — к материалу «собственно» литературному. Частные различия в некоторых приемах текстологической работы становятся заметны, когда речь идет о материале нового времени (вследствие обособления художественной литературы от остальной письменности). И, тем не менее, задачи текстологии, как их формулируют специалисты по изучению художественной литературы нового времени, почти целиком укладываются в те рамки, которыми историки определяют задачи внешней критики источников. Текстологическое изучение — это, собственно, и есть основная часть внешней критики источников (наряду с палеографическим их изучением). Так как внешняя критика источников — часть археографической работы, задачи «литературоведческой» текстологии, связанные с подготовкой изданий, не отличаются по существу от задач текстологии «исторической» и в этом отношении. Дело не в том, что «в изучении исторических источников задачи текстологии механически и крайне неточно разделены между источниковедением и археографией» (как полагает Д. С. Лихачев), а в том, что сама археография — отрасль источниковедения. Работа литературоведов по подготовке научных изданий художественной литературы — та же археография (хотя и имеющая свою специфику).

Любое текстологическое изучение относится к области внешней критики источников, которая широко пользуется филологическими приемами анализа. Результаты его затем используются историками для последующего этапа источниковедческой работы — внутренней критики, а литературоведами — для аналогичного по типу своих задач этапа литературоведческого исследования⁸. И у историков, и у литературоведов текстологические изучения часто преследуют также цели археографические⁹.

⁸ Разумеется, эти два этапа работы и у историков, и у литературоведов практически очень часто переплетаются. Но, тем не менее, Д. С. Лихачев в известном смысле прав, когда пишет, что «текстология — и в своей теоретической, и в своей практической части — база литературоведения и исторического источниковедения» (4).

⁹ Любопытно, что спор между Б. Я. Бухштабом и Д. С. Лихачевым на страницах «Русской литературы» — в известной мере следствие того, что Д. С. Лихачев неоправданно стремится «исключить» из текстологии именно ее археографические функции, в то время как Б. Я. Бухштаб столь же неоправданно требует именовать текстологией только то, что может быть отнесено к археографической деятельности.

Положение текстологии среди других научных дисциплин во многом аналогично положению палеографии. Палеографию же справедливо считают вспомогательной исторической дисциплиной, хотя литературоведы и лингвисты прибегают к ней не меньше, чем историки.

Современная текстология — вспомогательная историческая дисциплина, конкретное применение которой далеко выходит за рамки задач, непосредственно выдвигаемых исторической наукой. Любой текстолог — источниковед, хотя по своей основной специальности он очень часто и не является историком.

2. ПРЕДМЕТ, МЕТОД И ЗАДАЧИ ТЕКСТОЛОГИИ

В непосредственной связи с предыдущим находится конкретное понимание предмета, метода и основных задач текстологических исследований. Авторы трудов по текстологии новой литературы обычно видят главную задачу текстологической работы в подготовке научных изданий¹⁰.

Иначе формулирует задачи текстологии Д. С. Лихачев, подчеркивающий, что «текстологию следует отделять от техники издания текстов»¹¹. «Текстология, — пишет он, — ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках у переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всем ее протяжении, пока только изменялся текст памятника» (23). «Текстология — наука. Она имеет... самостоятельный предмет изучения — историю текста произведений»¹². Такое понимание предмета текстологии имеет, по-видимому, в основе неоправданное распространение на всю письменность одной из мыслей Б. В. Томашевского, некогда высказанной им лишь применительно к художественной литературе нового времени: еще в 1927 г. Б. В. Томашевский писал, что для текстолога «два основных вопроса» — это «вопрос об истории текста и вопрос об издании» и что, вообще говоря, «нельзя ставить вопрос об издании, не выяснив истории текста»¹³. Под «историей текста» здесь фактически имелось в виду текстовое выражение того, что литературоведы обычно именуют «творческой историей» произведения.

Согласно монографии Д. С. Лихачева, «вопросы издания текста — это вопросы практического приложения выводов текстологии» (468). Технике издания текстов и посвящена последняя глава этой монографии. «Другие применения текстологии» Д. С. Лихачев не рассматривает, оговорившись, что они «должны составить предмет особых работ» (468). Аналогично обстоит дело и в последовавшем «Кратком очерке» Д. С. Лихачева. Позднее Д. С. Лихачев подчеркивал, что «эдиционная теория и практика венчает собой изучение истории текста», а «эдиционная техника выдает «на-гора» то, что где-то в недрах науки подготавливает изучение истории текста»¹⁴. Таким образом, фактически оказывается, что даже если сама техника издания к текстологии не относится, задачи текстологии подчинены прежде всего задачам издания. Отсюда — и лозунг, выдвигаемый Д. С. Лихачевым в качестве руководства для текстологов: «Сперва изучить историю текста и потом издавать, а не сперва издавать и потом по этому изданию изучать историю текста произведе-

¹⁰ Б. Эйхенбаум. Основы текстологии, стр. 42. С ним солидаризуется и Б. Я. Бухштаб (см. Б. Бухштаб. Указ. соч., стр. 66); «Основы текстологии». Под ред. В. С. Нечаевой, стр. 5.

¹¹ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 7. Впрочем, позднее Д. С. Лихачев пояснил, что он еще «колеблется» в этом вопросе и что «можно оставить эдиционную технику в пределах текстологии» (Д. Лихачев. По поводу статьи Б. Я. Бухштаба. «Русская литература», 1965, № 1, стр. 82).

¹² Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 7.

¹³ Б. В. Томашевский. Указ. соч., стр. 31.

¹⁴ Д. Лихачев. По поводу статьи Б. Я. Бухштаба, стр. 82.

ния!»¹⁵. В соответствии с этим и предметом текстологического исследования является, по убеждению Д. С. Лихачева, «история текста того или иного произведения».

Прежде чем говорить о сущности предмета текстологии, необходимо внести терминологическое уточнение. Термин «история текста» применяется нередко и историками — в этих случаях под текстом имеют в виду само произведение, а не содержимое отдельной его рукописи: история текста Русской Правды, история текста Псковской судной грамоты и т. п. Так же употреблял термин «текст» и Б. В. Томашевский, именовавший содержимое отдельной рукописи произведением «документом». Сами же понятия «текст» и «произведение» оставались в нашей текстологии не разработанными. Д. С. Лихачев предложил их теоретическое осмысление. Специально об этих понятиях мы скажем ниже. Пока же заметим, что Д. С. Лихачев считает (как нам представляется — справедливо), что произведение может иметь много текстов, отражающих его эволюцию. Даже частичное изменение одного текста означает появление другого текста: если сохранился ряд списков произведения, различающихся текстуально, то это означает, что сколько списков, столько и текстов; Д. С. Лихачев пишет: «...будут ли два текста или один в списке, в который внесены смысловые и стилистические поправки другим почерком? Несомненно — два, хотя и схожих» (114). Он считает также, что одна черновая рукопись одного произведения содержит столько текстов его, сколько имеется в рукописи «слоев» авторской поправки¹⁶.

Но при этом сам термин «текст» желательно только в таком значении и употреблять, дабы избежать терминологической путаницы. Тогда понятие «история текста» в том смысле, в каком его применяет Д. С. Лихачев, становится логически неоправданным: речь должна идти уже не об истории текста произведения, а об истории произведений в его текстах или об истории текстов произведения. Д. С. Лихачев же постоянно говорит об «истории текста», подразумевая под этим текстовую историю самого произведения, представленного не одним текстом, а целым рядом текстов, каждый из которых есть результат изменения предшествующего текста того же произведения. Д. С. Лихачев пишет, например, что «сознательные изменения текста, объясненные, сопоставленные между собой и определенные в своей последовательности, указывают по преимуществу на этапы в истории текста... В целом они составляют творческую историю текста»¹⁷. Отсутствие единообразия в употреблении Д. С. Лихачевым термина «текст» естественно повлекло за собой логические неувязки и тавтологию (иногда — в пределах одной и той же фразы)¹⁸.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 8. Правда, Д. С. Лихачев в этом очерке оговорил, что «история текста может быть использована не только для публикации: для литературоведческого анализа, для источниковедческого анализа у историков, для реконструкции творческого процесса и т. п.» (стр. 22). Соответствующие примеры приведены в его монографии. Но все это не отменяет, как нам кажется, общей тенденции автора видеть главную цель текстологической работы в подготовке данных для издания.

¹⁶ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 88—89.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Там же, стр. 24.

¹⁸ Ср., напр.: «Изучение истории текста произведения не может ограничиваться установлением порядкового взаимоотношения текстов» (данного произведения — С. А.); «Копией признается текст, списанный с оригинала (т. е. с другого текста. — С. А.) и целиком повторяющий его по тексту; «Из всего вышесказанного вытекает и другой прием установления истории текста: обнаружение в тексте несоответствий последнему тексту» (там же, стр. 6, 12, 36; подчеркнуто везде мной. — С. А.). Б. Я. Бухштаб справедливо недоумевает, почему «науку, за которую ратует Д. С. Лихачев, он называет историей текста (а не текстов) того или иного произведения», и правильно отмечает, что Д. С. Лихачев в одних случаях текстом называет то, что в других случаях для него же является совокупностью ряда текстов. (Б. Бухштаб. О природе текстологии и проблеме выбора основного текста. «Русская литература», 1965, № 3, стр. 128—129).

Достаточно ли внести соответствующее уточнение, чтобы верно определить предмет текстологии? Можно ли утверждать, что предмет ее — история текстов «того или иного произведения»? Прежде всего заметим, что об истории текстов «того или иного произведения» можно говорить только начиная с момента, когда появился первый текст этого произведения. Наглядным примером может служить сама «Текстология» Д. С. Лихачева. Эта богатая источниками книга более чем наполовину представляет собой цитаты и пересказы из того, что было написано многими исследователями и писателями XIX—XX вв., а также древнерусскими книжниками, — начиная от «Повести временных лет» и кончая «Баскервильской собакой» Конан Дойля (37) и новейшими трудами по зоологии (208, 217—220). Тем не менее, очевидно, что история текстов монографии Д. С. Лихачева началась не в XII в. и даже не в трудах А. А. Шахматова, Б. В. Томашевского, В. Н. Перетца и др., а в рукописях самого Д. С. Лихачева. В этом отношении не имеет принципиальных отличий и история текстов произведений средневековой письменности. Никоновская летопись, например, использовала множество предшествовавших ей летописных сводов и других произведений. К тому же большинство их не находилось в руках у составителей этой летописи, а было, в свою очередь, привлечено составителями ее непосредственных источников. Текстовой материал, вошедший в Никоновскую летопись, начал появляться по крайней мере за пять — шесть веков до ее возникновения. Текстологическое исследование этой летописи, если оно претендует на полноту, должно опираться на результаты изучения огромного количества текстов полутысячелетнего периода. Велик ли будет удельный вес в таком исследовании истории текстов самой Никоновской летописи? Сходным образом обстоит дело и с большинством других произведений древнерусской письменности. Проще обычно изучение источников нового и новейшего времени. Однако и здесь история текстов самого произведения далеко не всегда составляет главное.

Вышесказанное может быть истолковано таким образом, что предложенная Д. С. Лихачевым трактовка предмета текстологического изучения нуждается лишь в расширении: текстология изучает не только историю текстов того или иного произведения, но и его отношение к своим источникам, что зачастую оказывается главной частью исследования. Однако и этого было бы далеко недостаточно. Вернемся к примерам. Текстологические исследования А. А. Шахматова начались изучением «Повести временных лет». Подытоживала их посвященная тому же памятнику работа А. А. Шахматова, подготовленная едва ли не большинством остальных его текстологических трудов. В этих трудах были исследованы более сотни летописей XI—XVI вв. — сохранившихся и не сохранившихся (многие из них по ряду списков и с выяснением взаимоотношения редакций и отдельных списков) — и множество памятников нелетописных, часто весьма сложных по своему составу, происхождению и эволюции. Другим итогом этой работы явилось «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1938), посвященное наиболее важным из сохранившихся летописей этого времени. К числу наиболее известных трудов А. А. Шахматова относятся «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908), посвященные пред- истории «Повести временных лет». Однако и здесь широко привлечены многие важнейшие памятники летописания XII—XV вв. и многие нелетописные произведения (письменные и устные). Все многочисленные летописи, отразившие «Повесть временных лет», — самостоятельные произведения. История магистральной линии русского летописания не есть история текстов «Повести временных лет». В противном случае и сами исследователи летописания говорили бы не о трех ее редакциях, а о множестве редакций: каждая позднейшая летопись, использовавшая «Повесть временных лет», но самостоятельно дополнившая или изменившая

ее, должна бы была рассматриваться лишь как еще одна ее редакция. Труды А. А. Шахматова — это прежде всего изучение генетических взаимоотношений текстов древнерусской «исторической» письменности в целом. Установление истории текстов «Повести временных лет», как и многих других памятников, — составные части этой работы, которые могут быть из нее выделены только искусственно.

После исследований А. А. Шахматова стало очевидно, что текстолог, если он хочет получить полное представление даже об одном несохранившемся тексте средневековой письменности, должен зачастую изучить огромное количество сохранившихся текстов. Примером этого может служить труд М. Д. Приселкова по восстановлению текста погибшей единственной рукописи Троицкой летописи¹⁹, осуществленный на базе изучения самим М. Д. Приселковым (опиравшимся, однако, уже на исследования А. А. Шахматова) всей истории русского летописания XI—XV вв.²⁰ Выяснилось, что даже такие, казалось бы, иногда мало связанные между собой текстуально источники, как частные и государственные договорные акты, не могут получить правильного источниковедческого осмысления без досконального изучения развития соответствующих формуляров, без выяснения и объяснения текстовых связей между документами и без целостного изучения тех сознательно в свое время сформированных древнерусских архивных собраний, в составе которых эти акты не только хранились, но и использовались²¹. Ни одно из звеньев той или иной системы текстов не может быть изучено «само по себе» (независимо от того, представлено оно сохранившимися текстами или не представлено). Оно может быть изучено только как часть системы²². С «текстологической» точки зрения специфика средневековой письменности состоит прежде всего в том, что создание того или иного произведения почти никогда не обходилось без текстуального использования других произведений. Поэтому и идейное, и фактическое содержание древнерусского письменного источника не может быть до конца понято без привлечения всей отразившейся в этом источнике предшествовавшей и современной ему письменной традиции.

В свое время А. А. Шахматов высказывал ряд соображений методического порядка о специфике текстологической работы над древнерусскими письменными источниками. Соображения эти не потеряли значения и сейчас, причем основные идеи их могут быть отнесены к изучению любых текстовых источников любой эпохи.

Разбирая работу И. А. Тихомирова, А. А. Шахматов писал: «Главной задачей исследователя летописных сводов, как и вообще всяких литературных памятников, должно быть установление взаимной связи между однородными, сходными памятниками, причем эта связь может частью объясняться общим происхождением от других, древнейших памятников, частью же она может зависеть от взаимного друг на друга влияния этих памятников. Без такой предварительной работы немыслимы никакие общие характеристики памятника: действительно, то самое, что исследователь, ограничившийся изучением одного какого-нибудь памятника, считает характеристичным именно для него, при дальнейшем расширении наблюдений может оказаться заимствованным из других современ-

¹⁹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста, М.—Л., 1950.

²⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940.

²¹ Эти обстоятельства впервые были доказаны исследованием Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» (ч. I—II, М., 1948—1951).

²² Примерами именно такого подхода могут служить исследование псковских летописей А. Н. Насоновым («Псковские летописи», вып. I—II. Под ред. А. Н. Насонова, М., 1941—1955), «Исследование о Русской Правде» М. Н. Тихомирова (М.—Л., 1941) и многие другие работы.

ных или более древних произведений»²³. Здесь же А. А. Шахматов подчеркивал, что «з а м ы к а я с ь в о д н о м к а к о м - л и б о п а м я т - н и к е , и с с л е до в а т е л ь н и к о г д а н е п о л у ч и т в о з м о ж н о с т и о п р е д е л и т ь е г о с о с т а в и п р о и с х о ж д е н и е и ч т о е д и н - с т в е н н о н а д е ж н ы м п у т е м д о л ж е н б ы т ь п р и з н а н п у т ь с р а в н и - т е л ь н о - и с т о р и ч е с к и й »²⁴. В отзыве на работу С. К. Шамбинаго, посвященную текстам исторического содержания — как летописным, так и нелетописным, А. А. Шахматов писал: «...в истории литературы переплетаются в самых разнообразных сочетаниях разные памятники, эволюционные цепи различных литературных произведений. Если следить только за одной из таких цепей, не принимая в расчет ни параллельных, ни перекрещивающих ее движений, то в результате могут получиться сплошные недоразумения вместо верного представления о действительных явлениях»²⁵.

Думаем, что если бы А. А. Шахматову пришлось специально писать о специфике дисциплины, которую мы теперь называем текстологией, то он ни в коем случае не определил бы ее предмет как «историю текста того или иного произведения». И из приведенных только что суждений А. А. Шахматова, и из всей его практической работы достаточно ясно, что функцию текстологических исследований он видел в возможно более широком и полном выяснении текстовых взаимосвязей между произведениями письменности и генетических взаимоотношений между конкретными текстами этих произведений.

О необходимости изучать такого рода взаимосвязи пишет и Д. С. Лихачев, который приводит и соответствующие цитаты из работ А. А. Шахматова (360—361). Однако Д. С. Лихачев поместил их в главе «Особенности изучения текста летописей» — по-видимому, считая, что это должно рассматриваться лишь как некое дополнение к тезису Д. С. Лихачева об установлении «истории текста того или иного произведения» как главной задаче любой текстологической работы. Последнее видно и из прямых высказываний автора. Он пишет, что «литературные произведения древней Руси нельзя изучать изолированно от произведений предшествующих, одновременных и последующих. Изучение взаимозависимости литературных произведений древней Руси, — поясняет Д. С. Лихачев, — может дать очень важный дополнительный материал для текстолога» (248). «Все, что мы знаем о повлиявшем произведении или о том, что представляла собой повлиявшая редакция, может пригодиться при изучении памятника, на который это влияние было оказано»²⁶. И сами эти фразы, и относительно скромное место, отведенное Д. С. Лихачевым рассмотрению существа вопроса, свидетельствуют о подчиненной роли, которую отводит Д. С. Лихачев изучению тех явлений, на которые А. А. Шахматов требовал обращать главное внимание.

Всякая конкретная разновидность текстологического исследования имеет в своей основе изучение генетических взаимоотношений между текстами: между текстами сохранившимися, между сохранившимися и утраченными (о которых текстолог судит на основании сохранившихся), между самими утраченными текстами (на базе изучения взаимоотношений между сохранившимися). То, что Д. С. Лихачев имеет в виду под выяснением «истории текста того или иного произведения», а Б. Я. Бух-

²³ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. «Записки Имп. Академии наук по Историко-филологическому отделению», т. IV, № 2, СПб., 1899, стр. 177. (Подчеркнуто мной. — С. А.).

²⁴ Там же, стр. 118. (Подчеркнуто мной. — С. А.).

²⁵ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. Отчет о двенадцатом присуждении Имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году, СПб., 1910, стр. 84. (Подчеркнуто мной. — С. А.).

²⁶ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 62. (Подчеркнуто в обоих случаях мной — С. А.).

штаб под «установлением точного текста литературных произведений и исторических документов»²⁷, — не что иное, как частные результаты изучения генетических взаимоотношений текстов. Ни к одному из этих случаев не сводится (вопреки утверждениям названных авторов) сущность текстологической работы. Подобные результаты нужны, чтобы подготовить хорошее издание источника. Но они мало помогут историку, взявшемуся использовать этот источник для освещения отраженных им исторических фактов. Историка будет интересовать, прежде всего, происхождение сведений, которые источник содержит, а сведения эти сплошь и рядом заимствованы текстуально из других источников (во многом аналогично и положение литературоведа). Вот почему нельзя сводить задачи текстологии к изучению текстов отдельных произведений.

Неоправданное сужение предмета текстологии столь же неправомерно, как и неоправданное его расширение. Палеографическое изучение рукописей — подготовительный этап для их изучения текстологического. Трудно согласиться с Д. С. Лихачевым, когда он безоговорочно относит к текстологической работе «прочтение и установление текста» (139—148)²⁸. Объект палеографического изучения — рукописи. Одна из главных его задач — прочтение содержимого этих рукописей²⁹, т. е. установление их текстов. Палеография как бы добывает объекты изучения для текстологии (кроме тех случаев, разумеется, когда нет нужды прибегать к палеографии, — например, если текстолог пользуется научным изданием). Но палеография не есть часть текстологии.

Нет необходимости ущемлять и археографию. По мнению Д. С. Лихачева, задача археографии — это «задача учета, систематизации и научного описания всего огромного рукописного материала, сохранившегося до наших дней» (102). Более мягко обошлись с археографией авторы «Основ текстологии». Они считают, что в функции археографии может входить осуществление «архивной публикации», которая состоит в том, чтобы опубликовать «данную рукопись в том виде, как она дошла до нашего времени»; те же издания, в процессе подготовки которых, «литературовед-текстолог устанавливает историю текста», не относятся к области археографии³⁰. Между тем археография давно уже осмысливается как часть источниковедения, ставящая своей основной задачей издание текстов — включая и все необходимое для этого предварительное их изучение. Так именно трактуется она и в специальных работах, ей посвященных³¹. Думаем, что опасение Д. С. Лихачева — как бы не была в этом случае «текстология поглощена археографией» (102) — не имеет под собой реальных оснований. Когда издание источника требует предварительного текстологического изучения, археография прибегает к помощи текстологии — так же, как прибегает она и к помощи палеографии. Если текстология и палеография в источниковедении «сосуществуют», то с археографией они «перекрещиваются».

Объект текстологического изучения — тексты. Предмет же самой текстологии — генетические взаимоотношения текстов. Трудно согласиться с Е. И. Прохоровым, когда он предлагает считать тексты предметом текстологии³². Они в равной степени составляют материальный объект

²⁷ Б. Бухштаб. Что же такое текстология? стр. 66—67.

²⁸ Д. С. Лихачев включает в область текстологического изучения не только это, но даже работу по отысканию рукописей (95—102) — по нашему убеждению, столь же неоправданно.

²⁹ См. Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 6—10. Текстологи, занимающиеся художественной литературой нового времени, под «установлением текста» подразумевают иное — выработку «канонического текста» для изданий.

³⁰ «Основы текстологии», под ред. В. С. Нецаевой, стр. 322.

³¹ См., напр.: С. Н. Валк. Советская археография, М.—Л., 1948; М. С. Селезнев. Предмет и вопросы методологии советской археографии, М., 1959; С. Н. Валк. Судьбы «археографии». «Археографический ежегодник за 1961 год», М., 1962.

³² Е. Прохоров. Предмет, метод и объем текстологии как науки. «Русская литература», 1965, № 3, стр. 148—149.

не одной, а нескольких научных дисциплин, каждая из которых изучает «свою» группу качеств или свойств этого объекта, т. е. имеет свой предмет изучения. Например, лингвистика изучает язык текстов, литературоведение — идейно-художественное содержание и художественную форму и т. д. Текстология изучает генетические взаимоотношения текстов. Они (эти взаимоотношения) и есть те свойства данного материального объекта, которые составляют предмет текстологии.

Метод текстологии — сравнительно-историческое изучение текстов. Так фактически определил его еще А. А. Шахматов (см. выше) — хотя он и не оперировал самим понятием «метод». Такое же в сущности определение предложил Е. И. Прохоров³³. Д. С. Лихачев по этому поводу пишет: «Разумеется, определение метода текстологии как «сравнительно-исторического» недостаточно. Сравнения и историчность не определяют еще существенных особенностей метода текстологии, тем более, что методика сравнений может быть очень различной (в частности, формальной и формалистской)»³⁴. Возражение это нельзя признать убедительным. Методику не следует отождествлять с методом. Особенности же метода текстологии (как и любого другого метода) можно при желании изыскать довольно много. Но сравнительно-историческое изучение текстов (а не отдельно взятые «сравнения» и «историчность») — безусловно, главная его особенность, определяющая остальные. Своего определения Д. С. Лихачев пока не предложил³⁵.

Текстология — вспомогательная историческая дисциплина, устанавливающая генетические взаимоотношения текстов путем сравнительно-исторического изучения их³⁶.

3. ОСНОВНЫЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Первое, что насущно необходимо для более успешного применения и дальнейшей разработки текстологической методики, — это внести, наконец, определенность в основные понятия. Не вдаваясь в историю вопроса, рассмотрим коротко то, что сделано новейшими исследователями, и попытаемся внести необходимые, с нашей точки зрения, коррективы — полностью отдавая себе отчет в том, что и предлагаемая автором настоящей статьи система основных определений — не более, как материал для дальнейшего обсуждения.

Основное, исходное понятие текстологии — «текст». Д. С. Лихачев предлагает следующее определение: «Текст — это языковое выражение замысла его создателя»³⁷. «Текст, — поясняет автор, — выражает произведение в формах языка. Следовательно, то, что не относится к формам языка, а относится к формам графики или является результатом

³³ Е. Прохоров, Предмет, метод и объем текстологии как науки. «Русская литература», 1965, № 3, стр. 149. Правда, Е. И. Прохоров говорит здесь не о тексте, а об «источниках текста». Но это отражает лишь особенность терминологии, употребляемой текстологами, работающими в области новой русской литературы (см. ниже, стр. 98). Неудачным нам представляется предложение А. Л. Гришунина именовать метод текстологии «филологическим анализом» (А. Гришунин. К спорам о текстологии. «Русская литература», 1965, № 3, стр. 144). Филологический анализ — это только одна из разновидностей приемов, применяемых в ходе сравнительно-исторического изучения текстов.

³⁴ Д. Лихачев. Ответ Б. Я. Бухштабу и Е. И. Прохорову. «Русская литература», 1965, № 3, стр. 158, прим. 1.

³⁵ Впрочем, полемизируя с Б. Я. Бухштабом, Д. С. Лихачев заметил было, что «для обозначения метода текстологии» «может употребляться» и даже «закрепиться» термин «критика текста» (Д. Лихачев. По поводу статьи Б. Я. Бухштаба, стр. 84). Это предложение подверглось справедливой критике со стороны Е. И. Прохорова (Е. Прохоров. Предмет, метод и объем текстологии как науки, стр. 149); отвечая последнему, Д. С. Лихачев ничего по данному пункту не возразил (хотя и говорит о методе) и не стал настаивать на таком словоупотреблении.

³⁶ Отраслью источниковедения текстология является, строго говоря, лишь в основной ее части, которая изучает письменные тексты, — поскольку исследование устных источников обычно не относят к сфере источниковедения.

³⁷ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 9.

случайных описок, случайных пропусков писца или случайных повторений текста, случайных в него вставок,— к тексту не относится» (115). Очевидно, что любые вставки в текст, независимо от того, случайные они или намеренные, всегда облечены в формы языка. То же относится и к повторениям. Таким образом, вторая часть пояснения противоречит первой. Несколько далее Д. С. Лихачев пишет: «Описки, не замеченные самим писцом, не могут быть отнесены к явлениям текста» (115). Отсюда и другой тезис автора: «Если список представляет собой простую копию (копию, имеющую лишь случайные искажения) с дошедшего оригинала», то «для установления истории текста она ничего не даст» (198). Из этого, по-видимому, следует, что в тех случаях, когда перед нами два списка, один из которых — копия с другого, отличающаяся от него только ошибками, то оба эти списка совершенно идентичны по тексту. Однако в другом месте автор утверждает, что вообще «нет двух списков безусловно идентичных по тексту» (127).

Д. С. Лихачев считает, что «различие только в графическом выражении текста» не есть «различие в тексте» (115) (под графическим выражением здесь имеется в виду то, какими буквами текст передан). По-видимому, это означает, что если два списка одинакового содержания не различаются по языковым формам, а различаются только по тому, какими буквами эти формы переданы, то такие различия не могут быть признаны явлениями текста. Однако на следующей странице автор этому противоречит, говоря о случаях «малограмотности» древнерусских писцов. Здесь он пишет: «правильнее делить «малограмотность» на «малограмотность» языковую и «малограмотность» графическую (неумение буквами выразить текст — постановка одной буквы вместо другой, или целой группы букв вместо других). Первая «малограмотность», отраженная в письме,— безусловно явление текста. Вторая «малограмотность» может быть признана явлением текста только в том случае, если она носит систематический характер и в какой-то мере является отражением в тексте индивидуальности писца» (116). Следовательно, если писец ошибается в употреблении букв несистематически, то его ошибки к тексту не относятся, а если он ошибается систематически — то относятся, несмотря на то, что и в том и в другом случае ошибки не принадлежат к явлениям языка.

Думается, что автор напрасно стремится ограничить понятие текста совокупностью языковых форм. Иногда невозможно определить, относятся ли особенности в написании слова к явлениям языка или они являются лишь результатом индивидуальных отклонений в буквенном выражении этого слова: наука не располагает достаточно полным представлением о древнерусских диалектах, а достаточно разработанной и строго выдерживавшейся системы орфографии в древней Руси, как известно, не было. Далеко не всегда возможно установить, сознательно или бессознательно появилось то или иное разночтение.

Д. С. Лихачев исходит из того, что «текст — результат сознательной деятельности человека» (115). Такая посылка, разумеется, правильна, но недостаточна. Текст всегда создается и функционирует как объект восприятия. Воспринимается же не само «задание» создателя текста, а достигнутый им фактически результат, т. е. нечто, объективно существующее лишь как определенная конкретная совокупность знаков (со всеми ее «отклонениями» и «ошибками» против того, что и как хотел сказать данным текстом его автор). Поэтому под письменным текстом следует понимать не совокупность языковых форм, а совокупность графических знаков, которыми передано его содержание³⁸. Это вытекает

³⁸ В понятие текста не должны, конечно, входить способы начертания этих знаков, т. е. все то, что относится только к явлениям почерка. Различия в форме буквенных и иных знаков не есть различия в самих этих знаках. Если разные писцы, например, по-разному пишут букву «а», то она, тем не менее, остается все той же буквой «а»: если

и из всего практического опыта текстологии и археографии³⁹. Заметим, что и авторы коллективного труда «Основы текстологии» (хотя они не рассматривают специально понятие «текст») подразумевают под текстом именно совокупность графических знаков рукописи или издания⁴⁰. Так же понимают текст и авторы других трудов по текстологии новой литературы — равно как и авторы работ, касающихся специфики «нелитературных» текстов. Например, С. Н. Валк еще сорок лет назад писал относительно текстов историко-революционных документов, что «говоря о неисправностях текста», следует иметь в виду, в частности, «неисправность его чтения». Автор подразумевает здесь область «грамматически-синтаксических неисправностей текста», причем «самым элементарным случаем подобной неисправности являются не имеющие смысла слова, состав букв которых явился результатом так называемых описок»⁴¹.

Вернемся к самому определению текста. О «замысле создателя» текста можно говорить применительно к тем случаям, когда перед нами литературное произведение, юридический или иной документ — вообще текст, явившийся результатом творческого процесса, имевшего целью создать некое оформленное целое. Но существует огромное количество текстов, не выражающих никакого творческого замысла: читательские заметки на полях рукописей, очень многие из эпиграфических текстов, делопроизводственные пометы на документах — как древних, так и новых, всевозможные хозяйственные и иные отрывочные записи «делового» назначения — и т. д. и т. п. Тексты этого рода порой имеют чрезвычайную ценность для исследователя, но их трудно подвести под предложенное Д. С. Лихачевым определение. Еще менее удовлетворительным следует признать определение, которое предложил К. В. Чистов в качестве «самого общего», применимого, по его убеждению, и к устным, и к письменным, к древним и к новым текстам: «текст — это словесное выражение художественного произведения»⁴². Подавляющее большинство текстов не относится к художественным произведениям.

Наконец, если считать текстом «языковое выражение замысла» (по Д. С. Лихачеву) или «словесное выражение произведения» (по К. В. Чистову), то исчезает грань между самим текстом и той работой мысли, которая предшествует его появлению. Язык и отдельные слова — это не только «инструмент» общения, но и «инструмент» мышления. Обдумывая еще не написанное, автор обычно формирует мысленно свой замысел в формах языка. Между тем текст — это не сама мысль или совокупность мыслей, а нечто, фиксирующее их таким образом, что результаты мышления становятся доступны восприятию их посредством зрения или слуха. Текст должен быть либо написан тем или иным способом, либо произнесен или спет (фольклорные и вообще устные тексты). Следовательно, в определении понятия «текст» главным элементом должно быть указание на фиксацию результатов мысленного процесса⁴³.

же переписчик вместо стоявшей в оригинале буквы «а» употребил, допустим, букву «о», то это уже различие в тексте.

³⁹ Достаточно просмотреть существующие правила подготовки изданий или предисловия к изданиям древнерусских и иных текстов — в частности, и к тому, которое подготовил некогда сам Д. С. Лихачев. Публикуя повести о Николае Зарзском, он писал: «В издаваемых текстах допущены следующие упрощения орфографии подлинников: титла раскрыты, ъ в конце слов опущен, и т. д., «пунктуация современная». Из этого следует, что для публикатора не только отдельные буквы, но даже титла и знаки препинания — элементы текста. См.: Д. С. Лихачев. Повести о Николае Зарзском. (Тексты). «Труды ОДРЛ», VII, М.—Л., 1949, стр. 281. (Подчеркнуто мной.— С. А.).

⁴⁰ См. «Основы текстологии», под ред. В. С. Нечаевой, стр. 349—358 и др.

⁴¹ С. Валк. О приемах издания историко-революционных документов. В сб.: «Архивное дело», вып. III—IV, М., 1925, стр. 72. (Подчеркнуто мной.— С. А.).

⁴² К. В. Чистов. Указ. соч., стр. 3.

⁴³ На это обстоятельство обращает внимание и Е. И. Прохоров, считающий, однако, текстом только то, что зафиксировано графическим или электромагнитным способа-

Текст — совокупность элементов речи (звуковой или письменной), фиксирующая результат работы сознания.

Элементами речи могут быть названы не только сами языковые формы («правильно» или «неправильно» произнесенные или написанные), но также смысловые паузы и ударения, интонация и т. п. элементы звуковой речи и соответствующие им знаки письменной речи.

Большинство текстов, являющихся объектом текстологического анализа, — это тексты произведений (письменных и устных). Сюда можно отнести и всевозможные литературные произведения (не только художественные), и все, что принято называть документами. Д. С. Лихачев рассматривает вопрос, что следует считать произведением. Он справедливо отмечает, что для текстолога здесь важно отыскать признаки, которые позволяли бы отграничить одно произведение от других в средневековой рукописной традиции, поскольку средневековые произведения часто не имели устойчивых названий, сливались одно с другим, включались одно в другое, длительное время соседствовали в разного рода сборниках и сводах (в письменности нового времени такого рода сложностей обычно нет). «С текстологической точки зрения, — пишет Д. С. Лихачев, — произведением следует называть текст, объединенный единым замыслом (как по содержанию, так и по форме) и изменяющийся как единое целое. Я подчеркиваю последнее (изменение как единого целого) как наиболее важное для текстолога, позволяющее считать, что текстовое целое осознавалось как особое произведение в прошлом»⁴⁴.

В принципе это вряд ли может вызвать возражения. Необходимы, однако, некоторые пояснения. Есть случаи, когда произведение сохранилось только в одной рукописи и только «внутри» другого произведения, — например, Поучение Владимира Мономаха. Есть немало исторических повестей, сохранившихся в составе летописей и изменявшихся вместе с этими летописями. Хотя отдельных списков большинства таких повестей в нашем распоряжении нет, это еще не свидетельствует, что их не существовало. Поэтому нельзя безоговорочно утверждать, что если «летописное повествование не встречается в отдельном виде и изменяется только вместе со всей летописью», то «оно не может быть признано за отдельное произведение, каким бы законченным и «сюжетным» нам ни казался его текст»⁴⁵. Нельзя также утверждать, будто «произведение с текстологической точки зрения есть один из видов текста»⁴⁶. Небольшое по объему произведение может существовать в сознании автора до того, как начал появляться его текст. Прочитанное или услышанное произведение сохраняется в памяти читателей или слушателей, не являясь уже текстом. Одно и то же произведение может быть представлено многими текстами. Текстология изучает, строго говоря, не непосредственно произведения, а их тексты. Для текстолога произведение — понятие обобщенное; для него это, в частности, наиболее «крупная» единица классификации текстов.

В «текстологическом смысле» произведение — текстовое выражение творческого замысла, осуществленное как единое целое и представленное одним текстом или рядом текстов.

Сравнительное изучение текстов произведений требует более дробной классификации. Как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, классификация может быть формальной и исторической. Формальная классификация (по внешним признакам) — предварительная, производимая для удобства дальнейшей работы. Окончательной является группировка текстов по историческому признаку (на основе установления их реальных взаимоотношений), при которой тексты каждой группы генетически ми на бумаге или на пленке (Е. Прохоров. Предмет, метод и объем текстологии как науки, стр. 148).

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 10.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Д. Лихачев. Ответ Б. Я. Бухштабу и Е. И. Прохорову, стр. 157.

восходят к одному тексту (дошедшему или утраченному). Предлагаем именовать подобные группы разновидностями текстов произведения — сохраняя сам термин «группа текстов» для формальной их классификации.

Разновидность текстов произведения — группа его текстов (или один текст), имеющих общие отличия от других групп текстов данного произведения, обусловленные общностью происхождения текстов каждой группы.

Разновидности текстов — это то, что принято называть редакциями, изводами, видами, версиями (в фольклористике). Все эти понятия нуждаются в дальнейшем уточнении и в систематизации.

Д. С. Лихачев усматривает резкое отличие редакций от остальных разновидностей текстов⁴⁷. «Редакцией текста, — пишет он, — называется целенаправленная переработка текста, принадлежащая автору или какому-либо другому лицу». Тексты произведения, которые пошли от рукописи, где такая переработка была произведена, Д. С. Лихачев и относит к данной редакции произведения. «Если переработка явилась результатом нецеленаправленных изменений..., — поясняет Д. С. Лихачев, — говорить о новой редакции памятника нельзя»⁴⁸. Все другие разновидности текстов произведения Д. С. Лихачев считает результатом нецеленаправленных, бессознательных изменений. «Извод, — пишет он, — это тот или иной вид текста памятника, который возник стихийно, не целенаправленно, в результате многократной переписки памятника в определенной среде, местности, стране»⁴⁹; к возникновению извода приводит «бессознательное накопление однородных изменений текста» (126). О понятии «вид» Д. С. Лихачев пишет: «Если ряд списков имеет общие изменения текста, которые нельзя отнести ни за счет редакторской работы, ни за счет переписки памятника в однородной среде, но которые произошли из-за близости списков по происхождению (ряд общих ошибок и поновлений, искажений и незначительных изменений), то можно говорить об особом виде памятника или варианте его текста»⁵⁰. «Если в текст группы списков памятника⁵¹ внесены переписчиками общие бессознательные изменения, не носящие, однако, ярко выраженного специфического характера, связанного с определенной местностью, средой, временем, языком и пр., то лучше говорить о виде памятника, группе его списков или о виде редакции» (127; подчеркнуто везде мной. — С. А.). У читателя работы Д. С. Лихачева не остается сомнений в том, что автор ее считает сознательную работу по изменению, сокращению или дополнению памятника работой, результат которой — всегда появление новой редакции⁵².

Этот тезис — новый для нашей текстологии. Нетрудно было бы перечислить множество примеров того, как опытейшие текстологи устанавливали изводы и виды памятника, беря за основу именно сознательные изменения. Этот принцип является общепризнанным и целиком себя оправдывает⁵³. Если обратиться к текстологической работе самого Д. С. Лихачева, то и здесь найдем несоответствие этому его новому те-

⁴⁷ Понятием «разновидность текстов произведения» сам Д. С. Лихачев не пользуется. Для удобства изложения мы употребляем это понятие и при характеристике его взглядов.

⁴⁸ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 13.

⁴⁹ Там же, стр. 14.

⁵⁰ Там же, стр. 15.

⁵¹ У Д. С. Лихачева читается «памятников» — по-видимому, опечатка.

⁵² Д. С. Лихачев говорит об этом многократно. Он пишет, например, в «Кратком очерке», что когда необходимо «решить — редакция перед нами или извод», то следует «определить — сознательные перед нами изменения текста или бессознательные» (стр. 15). Та же мысль — и в монографии Д. С. Лихачева (126).

⁵³ См. напр.: «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», под ред. А. Н. Насонова, М.—Л., 1950 М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, и многие другие работы.

зису: подразделяя редакции Повестей о Николе Заразском на виды, Д. С. Лихачев опирался на сознательные (и — довольно существенные) изменения⁵⁴. Каких-либо специальных соображений в пользу отказа от этой традиционной и общей практики автор не приводит. Такой отказ, кстати говоря, противоречит и трактовке самим Д. С. Лихачевым понятия «текст»: если считать, что к явлениям текстовым относятся только сознательные изменения текста, то изводы и виды внутри редакции — явления нетекстовые. Тогда отпадает надобность в самих этих понятиях применительно к изучению «истории текста того или иного произведения».

Практически в исследованиях как историков, так и литературоведов и фольклористов понятие редакции связывается, как правило, с наличием крупных, качественных изменений в содержании или форме памятника⁵⁵. Именно так понимается отличие редакций и авторами «Основ текстологии» под ред. В. С. Нечаевой, которые прямо пишут, что отличия эти «должны быть не количественными, а качественными»⁵⁶.

Разграничение понятий «извод» и «вид» менее прочно «устоялось», чем отграничение их обоих от понятия «редакция», но наиболее распространено понимание термина «вид» как разновидности текстов памятника, имеющей малосущественные отличия от других его разновидностей, тогда как понятие «извод» означает присутствие отличий более важных, приближающихся к редакционным. При этом понятие извода теперь уже редко связывают с определенной местностью или средой, где данный извод появился. Бывает, что понятий «вид», «извод» и «редакция» оказывается недостаточно. Порой приходится сталкиваться с настолько радикальной переработкой памятника, что ее трудно назвать редакцией: переработка находится как бы посередине между появлением новой редакции произведения и появлением нового произведения. В результате возникают затруднения терминологического порядка. Так, например, М. Н. Тихомиров, исследуя Русскую Правду, в одних случаях говорит, что Краткая, Пространная и Сокращенная Правда — это особые памятники, в других же случаях называет их редакциями Русской Правды⁵⁷. Думаем, что в подобных случаях целесообразнее всего пользоваться понятием, давно уже применяемым очень широко фольклористами, — понятием версии. Для фольклористов версии — это разновидности текстов произведения, имеющие более существенные различия, чем редакции, — различия, которые граничат уже с превращением в иное произведение⁵⁸.

Вид — разновидность текстов произведения, имеющая количественные отличия от других разновидностей его текстов.

Извод — разновидность текстов произведения, количественные отличия которых от других разновидностей его текстов таковы, что граничат с переходом в качественные отличия.

Редакция — разновидность текстов произведения, имеющая качественные отличия от других разновидностей его текстов.

Версия — разновидность текстов произведения, качественные отличия которых от других разновидностей его текстов таковы, что граничат с превращением в другое произведение.

⁵⁴ «Главное отличие первого вида редакции основной Б от второго заключается в том, что в последнем Евпатию придано отчество «Львович» и дополнительно рассказывается о торжественных похоронах Евпатия в рязанском соборе, причем указывается и точная дата погребения — 11 января. Иначе изложена и вся сцена отправления на битву рязанских князей — более сжато во втором виде, чем в первом...» (Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, стр. 266).

⁵⁵ В таком именно смысле трактует, например, понятие редакции С. Н. Валк (см.: С. Валк. О приемах издания историко-революционных документов, стр. 67). Ср. также: «Правила издания исторических документов», изд. 2-е. М., 1956, стр. 12, и др. руководства.

⁵⁶ «Основы текстологии», под ред. В. С. Нечаевой, стр. 360.

⁵⁷ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 32—35 и др.

⁵⁸ См. Б. Путилов. Указ. соч., стр. 108.

Целесообразно условиться о применении единого понятия, которое обозначало бы тот первый текст, от которого пошли все тексты изучаемого произведения, версии, редакции, извода, вида. Существующие понятия авторского и редакторского текста недостаточны: произведение может иметь несколько авторских текстов, авторский текст может быть одновременно и редакторским, может быть несколько редакторских текстов одной редакции. Для версии, извода и вида аналогичных понятий вообще нет. Часто из затруднения выходят с помощью понятия «протограф». Но фактически это понятие гораздо шире (см. о нем ниже). Чтобы внести терминологическую четкость, предлагаем применять в таких случаях понятие «пратекст», дополняя его соответствующим пояснением: пратекст такого-то произведения, пратекст такой-то редакции, пратекст такого-то вида и т. п.

Пратекст — первый текст произведения (или разновидности его текстов), к которому восходят генетически все существовавшие и существующие тексты данного произведения (или данной разновидности его текстов).

Естественно, что всякого рода предварительные наброски, отдельные составные части и т. п. тексты, появившиеся до возникновения произведения как целого, не могут еще быть названы его пратекстом. Пратекст появляется тогда, когда произведение впервые зафиксировано в едином тексте. То же относится и к пратексту редакции, извода и т. д. Бывает, что в процессе бытования произведения в рукописной традиции исподволь накапливаются частные изменения, которые постепенно образуют новую редакцию⁵⁹. Пратекстом ее будет тот список, где накопление количественных изменений дало переход в новое качество.

К числу постоянно используемых текстологами относятся такие понятия, как «рукопись», «список», «вариант» и «разнотчение». Для Д. С. Лихачева «рукопись» и «список» — понятия одного порядка. «Рукопись, — пишет он, — это написанный от руки текст (цельный или отрывок) одного произведения или нескольких. Список — переписанное произведение. Одна рукопись может содержать списки различных произведений...». Д. С. Лихачев предлагает в этой связи «различать понятия: «текст рукописи» и «рукопись», «текст списка» и «список»...»⁶⁰. Думаем, что удобнее различать рукопись и список по иному признаку. Понятие рукописи включает и сам писчий материал, и переплет, и все то, что нанесено на писчий материал, — тексты, рисунки, разного рода пометы, не являющиеся текстами, и т. п.

Рукопись — материальная вещь, содержащая один или несколько текстов, написанных от руки.

Едва ли необходимо разумеать под списком часть самой рукописи, т. е. часть ее бумаги, пергамена и т. п. Проще именовать списками сами содержащиеся в ней тексты. На практике так обычно и поступают. Тогда понятие «текст списка» окажется необходимо лишь в тех случаях, когда имеется в виду не сам список, а его воспроизведение в издании. Разумеется, не всякий список представляет собой текст произведения, так же как не каждая рукопись содержит произведение.

Список — рукописный текст, восходящий к письменному оригиналу.

Понятие «вариант» — пожалуй, самое употребительное из текстологических понятий нашей фольклористики, давно в ней укрепившееся и разработанное фольклористами теоретически⁶¹. У текстологов, работающих над письменными текстами, нет единства в трактовке понятия «вариант». Одни употребляют этот термин как синоним термина «вид»

⁵⁹ См. об этом: М. О. Скрипиль. Проблемы изучения древнерусской повести. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1948, вып. 3, стр. 199—200.

⁶⁰ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 12.

⁶¹ См. К. В. Чистов. Указ. соч., стр. 5; Б. Путилов. Указ. соч., стр. 106.

(напр., Д. С. Лихачев — см. выше). Другие употребляют его как синоним термина «разнотечение»⁶². Третьи имеют в виду под вариантом в письменности приблизительно то же, что фольклористы — в устной традиции. Полагаем, что целесообразнее всего закрепить именно последнее значение термина «вариант», приведя к единому знаменателю фольклористическое и нефольклористическое его понимание. В этом случае для письменных текстов вариантами должны быть признаны все те тексты произведения, которые различаются между собой. Если перед нами два совершенно идентичных текста, то в них представлен один и тот же вариант произведения. Не может, однако, быть признан вариантом текст, отличия которого от аналогичных есть результат научного вмешательства самого текстолога.

В а р и а н т — текст произведения, возникший в процессе его живого бытования в письменной или устной традиции и отличающийся от других текстов этого произведения, возникших тем же путем.

При таком понимании отпадает и альтернативное употребление терминов «вариант» и «разнотечение». Д. С. Лихачев справедливо предлагает под разнотечением иметь в виду «отдельные... различия в отдельных местах текста» (134), «отдельные различия в разных чтениях списков»⁶³.

Р а з н о т е ч е н и е — часть письменного текста, отличающаяся от соответствующей части сходного текста или отсутствующая в нем.

В особую группу могут быть выделены связанные друг с другом понятия «источник текста», «протограф», «оригинал», «копия». Источник текста не обязательно сам является текстом. Можно думать, например, что источниками пратекста Русской Правды послужили правовые представления ее составителей, не закрепленные до того в текстах. Источниками летописных сводов были и предшествующие им летописные и иные тексты, и сведения, услышанные составителями от других лиц (т. е. устные тексты), и результаты собственных наблюдений этих составителей, не закрепленные текстуально, пока они не получили фиксации в самой летописи. Источниками текста могут быть тексты, из которых взяты лишь отдельные элементы — хронологические даты, имена, лексика и т. п. Более узко употребляют обычно понятие «источник текста» исследователи художественной литературы нового времени, имея в виду под этим термином разнообразный материал, которым пользуется сам текстолог при установлении «канонического текста» для издания⁶⁴. Но, в сущности, это — частный случай, который не противоречит более широкой трактовке данного понятия историками. Источником того или иного текста может быть, конечно, назван и материал, которым не пользовался непосредственно составитель этого текста. Например, «Повесть временных лет» можно назвать источником большинства русских летописей, хотя почти все они использовали ее через посредство других летописей.

И с т о ч н и к т е к с т а — материал (текстовой или нетекстовой), который повлиял на создание данного текста.

Более узким является понятие «протограф», под которым всегда имеется в виду текст и которым особенно широко пользовался А. А. Шахматов, а за ним — М. Д. Приселков и другие наши текстологи. Для А. А. Шахматова протограф — это такой источник текста, из которого

⁶² Впрочем, в коллективной монографии «Основы текстологии» сказано, что «в соответствии с наметившейся практикой» целесообразно под вариантами иметь в виду частные различия, внесенные самим автором, а отличия, обязанные вмешательству других лиц, называть разнотечениями. «Следует отметить, — говорится, однако, здесь же, — что по своему прямому значению термины «разнотечения» и «варианты» более или менее тождественны и их разграничение условно» («Основы текстологии», под ред. В. С. Нечаевой, стр. 358). Условность именно такого разграничения практически оказывается настолько значительной, что оно не до конца выдерживается даже в самой этой монографии, где встречается и термин «авторские разнотечения» (там же, стр. 358, 369 и др.).

⁶³ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 18.

⁶⁴ «Основы текстологии», под ред. В. С. Нечаевой, стр. 224.

произведены (непосредственно или опосредованно) текстуальные заимствования, т. е. текст, который оказался либо целиком, либо в отрывках включенным в один или несколько изучаемых текстов (с изменениями или без изменений). За последнее время понятие протографа все шире применяется и к нелетописным текстам. Когда говорят о тексте, к которому восходят генетически несколько изучаемых текстов, его нередко именуют их общим протографом.

Протограф — текст, к которому восходит генетически другой текст (или другие тексты).

Д. С. Лихачев предлагает более узко трактовать это понятие. «Под протографом, — пишет он в своей монографии, — разумеется ближайший по тексту оригинал одного или нескольких списков... Между списком и его протографом могут быть промежуточные списки, но только при том условии, что список не подверг свой протограф переработке или хотя бы частичному изменению» (131)⁶⁵. Это плохо согласуется с трактовкой Д. С. Лихачевым самого понятия «текст»: если список не изменил текст своего протографа (по крайней мере, если нет сознательных изменений), то, согласно Д. С. Лихачеву, и этот список, и его протограф — один и тот же текст. Определение это страдает и внутренним противоречием. Слово «ближайший» означает самый близкий. Но если конечный список пользовался протографом через посредство промежуточных списков, то очевидно, что последние не могли быть текстуально дальше от конечного списка, чем протограф, а могли быть только ближе. Позднее Д. С. Лихачев предложил более емкую формулировку: «Протограф — текст, к которому непосредственно или через посредство немногих списков восходит изучаемый текст», сопроводив ее оговоркой: «Между списком и его протографом могут быть промежуточные списки, но только при условии, что дошедший и промежуточный списки не подвергли свой протограф большому переработке и изменению»⁶⁶. Такие понятия, как «много» и «немного», «большая» и «небольшая» переработка, не очень удобны для научных определений вследствие своей неопределенности. К тому же текстолог почти никогда не может знать, сколько было всего промежуточных недошедших списков, так как факт существования каждого из них может быть установлен, за редкими исключениями, только в том случае, если к нему восходят не один, два или больше сохранившихся списков. Таким образом, ограничения, предлагаемые Д. С. Лихачевым, практические трудно применимы.

Естественно, что один и тот же текст может иметь целый ряд протографов, например, текст летописного свода, протографами которого могут быть названы и непосредственно использованные его составителем летописные тексты, и те тексты, которыми пользовались, в свою очередь, составители последних, — вплоть до первоисточников. Гораздо уже понятие «оригинал».

Оригинал — текст, к которому непосредственно восходит генетически другой текст (или другие тексты).

Связанное с оригиналом понятие копии уже, чем понятие «список». Д. С. Лихачев, исходя из своего понимания текста, пишет, что «копией признается текст, списанный с оригинала и целиком повторяющий его по тексту», — вне зависимости от наличия «механических, ненамеренных ошибок копииста против оригинала»⁶⁷. В практике текстологов подобное употребление термина «копия» не редкость, что трудно, одна-

⁶⁵ Ранее Д. С. Лихачев настаивал на еще более узком понимании термина: ««протограф» — это список или текст списка, с которого непосредственно сделан тот список, который изучает исследователь, это оригинал копии или оригинала переделки» (Д. С. Лихачев. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов. «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 160).

⁶⁶ Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 17. (Подчеркнуто мной. — С. А.)

⁶⁷ Там же, стр. 12.

ко, признать оправданным. Для большинства случаев это означало бы, что копия и список (если говорить о соотношении списка с его оригиналом) — одно и то же. В «Основах текстологии» под ред. В. С. Нечаевой предлагается называть копией, в отличие от списка, «только такую рукопись, изготовление которой производилось с определенной целевой установкой на точность воспроизведения оригинала»⁶⁸. Но очевидно, что «целевая установка» переписчика в большинстве случаев остается для исследователя тайной, если нет явно сознательно внесенных разночтений. Надежнее судить по результатам.

Копия — письменный текст, восходящий к письменному оригиналу и точно его повторяющий.

Пожалуй, самое сложное и, одновременно, одно из самых важных понятий текстологии — архетип. Д. С. Лихачев в «Заключении» к своей книге писал о «несостоятельности понятия „архетип“», утверждая, что «это понятие терпит крушение» (543). Однако в соответствующей главе ее такая характеристика обоснования не получила⁶⁹. Зато здесь дается определение: «Архетип — это тот текст, от которого пошли остальные тексты произведения, редакции произведения или группы списков произведения» (128). В «Кратком очерке» это определение уточнено и разъяснено: «Архетипом называется тот ближайший текст, от которого пошли все дошедшие до нас тексты. Может быть архетип произведения (от него пошли все сохранившиеся до нас тексты изучаемого произведения); может быть архетип редакции произведения (от него пошли все тексты изучаемой редакции); может быть архетип группы списков и пр. Архетип произведения — не обязательно авторский текст: все дошедшие до нас списки могут восходить как к своему общему источнику к тексту, уже в известной мере измененному, — например, к случайно сохранившейся позднейшей переработке. Так же точно архетип редакции — не обязательно текст, составленный редактором. Поэтому-то мы и говорим, что архетип — это ближайший текст, к которому восходят все остальные»⁷⁰.

Из процитированного в общем достаточно ясно, что такое архетип. Хотя и второе определение, как увидим ниже, сформулировано неточно, сущность его возражений вызвать не может. Зато решительное возражение вызывают последующие утверждения Д. С. Лихачева. Он пишет: «Далеко не во всех случаях мы можем предполагать существование архетипа. Если представлять себе, что каждый переписчик текста переписывал только один текст какого-то списка, то восхождение всех дошедших до нас списков к общему архетипу обязательно, но если писец соединял тексты (два или более текста), то понятие «архетип» вообще не применимо (см. рис. 2). Вот почему некоторые текстологи, имевшие дело с особенно сложными случаями истории текста, вообще не пользовались понятием «архетип» (А. А. Шахматов)... Возможно, что это понятие со временем вообще отомрет...»⁷¹.

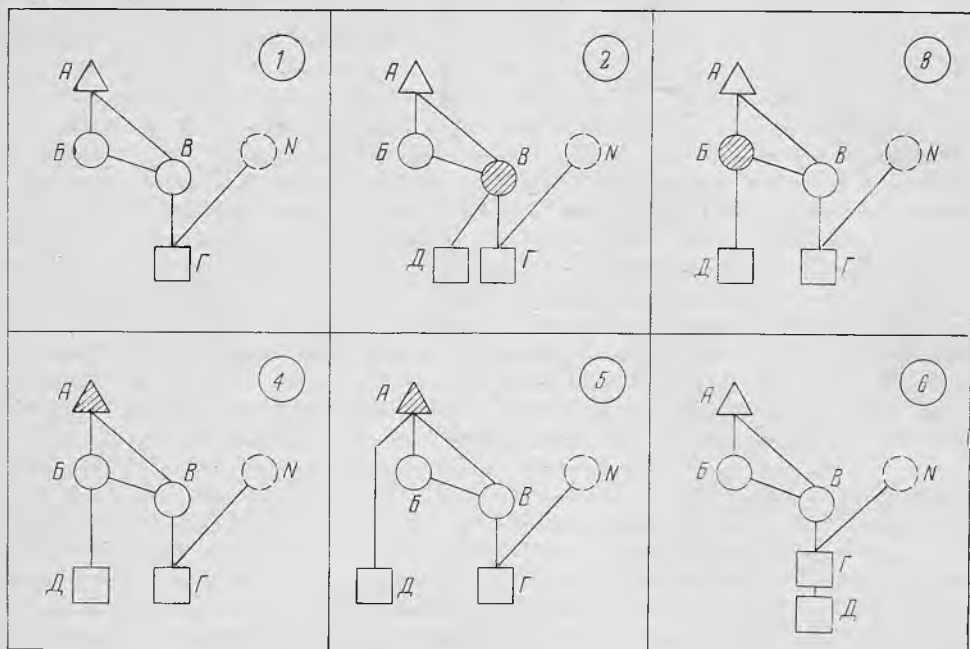
О работах А. А. Шахматова скажем несколько позднее. Сначала обратимся к той графической схеме («рис. 2»), с помощью которой Д. С. Лихачев демонстрирует неприменимость понятия «архетип» для тех случаев, когда писец соединял два или более текста. У нас эта схема Д. С. Лихачева воспроизведена под номером 1.

⁶⁸ «Основы текстологии», под ред. В. С. Нечаевой, стр. 230.

⁶⁹ Единственное, что можно отметить в этой связи, — ссылку на то, что итальянский филолог Дж. Паскуали «очень скептически относится к теории архетипов вообще», и неразвернутое указание на находки папирусов, опровергнувшие выводы ряда текстологов относительно византийских и александрийских архетипов некоторых средневековых текстов (130). Конкретной же аргументации в пользу несостоятельности самого понятия «архетип» в книге не приведено.

⁷⁰ Д. С. Лихачев. Текстология, Краткий очерк, стр. 16—17.

⁷¹ Там же, стр. 17.

△ 1 ○ 2 ○ 3 □ 4

1 — недошедший авторский текст; 2 — недошедшие списки; 3 — недошедший дополнительный источник; 4 — сохранившиеся списки; заштрихованный круг или треугольник — архетип.

В схеме 1, действительно, нет архетипа. Но не потому, что писец списка В соединил два текста, а потому, что сохранился (согласно этой схеме) только один список произведения — список Г. Вполне естественно, что при единственном сохранившемся списке произведения нельзя говорить об архетипе — в самих определениях понятия «архетип», предложенных Д. С. Лихачевым, подразумевается много или несколько дошедших списков.

Посмотрим, не обнаружится ли в этой схеме архетип, если сохранилось не один, а два списка. Возможны пять случаев (схемы 2—6). Если, кроме списка Г сохранился еще список Д, восходящий к утраченному списку В (схема 2), то последний и будет архетипом. Если список Д восходит не к списку В, а к списку Б, то архетипом будет либо список Б (схема 3), либо пратекст А (схема 4). Место архетипа в генеалогическом древе текстов зависит не только от их фактического соотношения, но и от того, какими сведениями о нем располагает текстолог. Если удалось установить, что оригинал списка Г пользовался двумя оригиналами — А и Б, а писец списка Б — тем же оригиналом А, то исследователю ясно, что архетипом был текст А (схема 4). Если — нет, то должно признать архетипом список Б. О существовании же текста В, как и текста А, у исследователя может вообще не быть данных. Тогда он должен будет построить простую схему из четырех элементов: архетип Б, идущие от него два списка Г и Д и дополнительный источник списка Г — текст N. Точно так же и с предыдущей схемой 2. Она отражает фактическую генеалогию списков Г и Д. Но текстолог только в редких конкретных случаях будет располагать достаточными данными обо всем, что «выше» списка В. В большинстве случаев он будет вынужден с этого именно списка и начать свою схему, так как почти всегда только о нем и можно будет судить с достаточной уверенностью на основе сопоставления сохранившихся списков. Что же касает-

ся схемы 1, которая тоже отражает фактическое происхождение единственного списка Г, то о существовании списков А и Б текстолог тоже сможет судить лишь в редких случаях. Обратимся к схеме 5. Если список Д восходит к А, то архетипом будет текст А. Здесь опять-таки не всегда исследователь будет иметь материал, свидетельствующий о существовании промежуточных между А и Г списков Б и В. Если такого материала нет, то схема, построенная исследователем, будет состоять только из трех текстов изучаемого произведения — А, Г и Д и дополнительного источника N.

Думаем, что ни один серьезный текстолог не обольщается уверенностью, будто в итоге работы ему удалось установить историю текстов изучаемого произведения во всех ее деталях. Она может быть установлена с большей или меньшей степенью приближения, но «абсолютная истина» достижима в очень редких и наиболее простых случаях. Практически область вполне обоснованных гипотез кончается там, где кончаются результаты, добываемые путем сопоставления реально дошедших текстов. Далее простирается область догадок. Архетип — это тот «конечный» текст, предположения о содержании и форме которого доказуемы сопоставлением дошедших текстов данного произведения. Предположения же об особенностях его текстов, предшествовавших архетипу, должны быть уже доказываемы иными способами (например, привлечением других произведений, источниками которых могли послужить эти тексты). Но бывают случаи (практически довольно редкие), когда даже при наличии двух или более списков произведения списки эти не содержат никаких данных, кроме тех, которые заключаются в одном из них. Это те случаи, когда все сохранившиеся списки восходят один к другому по прямой линии (схема 6). Если список Д восходит к списку Г и только через него связан с предшествующими, то эти два сохранившихся списка не имеют архетипа, так как из сопоставления их мы не получим никаких данных, кроме тех, которые дает один список Г. Фактически это случай, когда есть лишь один список (ср. схему 1). Дальнейшее усложнение схемы увеличило бы количество возможных конкретных случаев, но не изменило бы общего вывода: факт соединения писцом двух или более текстов не отменяет существования архетипа. Архетип отсутствует лишь в двух случаях: 1) если сохранился только один список произведения; 2) если все сохранившиеся списки восходят один к другому по прямой линии. Практически оба эти случая сводятся к одному: архетипа нет только тогда, когда не сохранилось независимых друг от друга списков.

Не может, естественно, влиять на положение архетипа и факт использования писцом списка Г дополнительного источника N. Коль скоро N — дополнительный источник, он не относится к спискам того произведения, архетип которого мы ищем. Вообще в рукописной традиции, как известно, постоянны взаимные влияния одних произведений на другие. Но когда отыскивается архетип, речь идет только о соотношении списков одного произведения и архетипом может быть только текст этого же произведения. Из сказанного видна и неточность предложенного Д. С. Лихачевым определения. «Ближайший текст, от которого пошли остальные дошедшие до нас тексты», не будет архетипом, если все дошедшие тексты восходят к нему по прямой. В схеме 6, например, этому определению соответствовал бы список В, который, однако, не может быть признан архетипом списков Г и Д.

Архетип — наиболее ранний из текстов произведения (или какой-либо одной их разновидностей), об особенностях которых можно судить путем сопоставления всех доступных изучению его текстов.

Вернемся к А. А. Шахматову. Д. С. Лихачев пишет: «Практически понятие архетипа вовсе не применимо в истории летописания, где своды входят между собой в сложные отношения, перекрещиваются, прове-

ряются один по другому и непрестанно сливаются. А. А. Шахматов никогда не применял понятие архетипа, так же как и его последователь М. Д. Приселков. А. А. Шахматов и М. Д. Приселков применяли понятие протографа» (131; ср. 354). В действительности обстоятельства, отмечаемые Д. С. Лихачевым, не мешают летописным сводам иметь свои архетипы. В каждом случае, когда перед нами летопись, являющаяся самостоятельным произведением, и когда сохранилось два или более ее списков, не восходящих друг к другу по прямой, есть все основания говорить об их архетипе. Это следует из разобранного выше. (Данное утверждение Д. С. Лихачева о летописях связано, как видим, с критикованным только что его представлением, будто при соединении двух или более текстов архетип отсутствует). Другое дело, что в изучении летописей понятие «архетип» используется пока редко. Но причина этого не в объекте изучения, а в том, какие цели оно преследует. А. А. Шахматов занимался прежде всего определением состава и взаимоотношений летописных сводов, особенно — не сохранившихся, лишь попутно рассматривая взаимоотношения списков какой-либо одной сохранившейся летописи. А когда речь идет о памятнике, дошедшими списками не представленном, термин «архетип», конечно не может быть использован. Неудивительно поэтому, что он не встречается в работах А. А. Шахматова (как и М. Д. Приселкова). Эти исследователи рассматривали как раз тот род взаимоотношений между текстами, который требует постоянного применения понятия «протограф». В тех же случаях, когда текстолог изучает летопись, представленную некоторым числом сохранившихся списков, и сосредоточивает внимание на их соотношении, понятие «архетип» не только вполне применимо, но и применяется практически.

Все сказанное не позволяет согласиться и с пессимистическим прогнозом Д. С. Лихачева относительно будущей судьбы самого понятия «архетип», столь необходимого при текстологической подготовке изданий средневековых памятников. Не может служить здесь аргументом и замечание Д. С. Лихачева, что «текстологи, занимающиеся изучением литературы нового времени, «не пользуются понятием „архетип“»⁷². Объясняется это тем, что когда сохранились авторские или авторизованные тексты произведения, на первый план выдвигается совсем иное понятие «последней воли» автора.

4. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И КРИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ИСТОЧНИКА

Общепризнано, что при наличии нескольких или многих списков издаваемого источника желательно так называемое критическое издание. В своем «идеальном» виде оно дает полностью реконструированный архетип произведения (либо архетип отдельно издаваемой его редакции, извода и т. п.), причем все отличия привлеченных к изданию списков от архетипа отражены в подстраничных примечаниях. Тогда верхняя часть страниц содержит текст архетипа, а вместе с разночтениями, исчерпывающим образом подведенными, издание дает полные тексты всех списков. Это позволяет пользоваться как научно реконструированным архетипом, так и любым списком, ибо текст каждого из них может быть целиком прочтен и точно процитирован путем обращения к разночтениям. Если для полного восстановления архетипа материала недостаточно, ограничиваются частичным восстановлением. За основу берут список, текстуально наиболее близкий к архетипу. Текст этого списка исправляется на основании разночтений других списков только в тех местах, относительно которых публикатор имеет достаточную уверенность, что соответствующее место «неосновного»

⁷² Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк, стр. 17.

списка более точно сохранило чтение архетипа. Исправления могут быть весьма значительны, но могут и ограничиваться отдельными заменами явно испорченных в основном списке мест. Такова господствующая в нашей науке тенденция подготовки критических изданий средневековых текстов. Она является результатом длительного совершенствования наиболее прогрессивных методов текстологии крупнейшими представителями нашей исторической и филологической науки.

Д. С. Лихачев считает недопустимым какое бы то ни было реконструирование текста в критическом издании. «Если мы производим частичную реконструкцию,— пишет он,— а другие части текста не восстанавливаем или соединяем их с текстом, принадлежащим к другому этапу его истории, то мы тем самым создаем текст, который никогда не существовал, фактически лишаем текст его общего смысла, единой целенаправленности, которую ему придал автор или составитель той редакции, которая реконструируется» (451). Вторая часть этого возражения может быть адресована лишь очень плохому текстологу. Хороший текстолог всегда производит реконструкцию (безразлично — полную или частичную), следуя, в первую очередь, именно за тем, чтобы реконструируемые чтения соответствовали авторскому замыслу в его целом. Гораздо более серьезным возражением выглядит утверждение Д. С. Лихачева, что частичные реконструкции дают текст, который никогда реально не существовал. Действительно, уверенности в существовании некогда списка, с которым точно совпадает частично реконструированный текст, обычно нет. Но это не уменьшает ценности частичных реконструкций. Вспомним, для чего вообще нужно историкам обращаться к спискам того или иного средневекового памятника. Как правило, для того, чтобы получить возможно более точное представление о пратексте этого памятника, либо о пратексте данной его редакции, вида и т. п. Если пратекст не дошел, приходится довольствоваться хотя бы приближением к архетипу. Естественно, что наиболее ценен будет тот список, который текстуально удален от архетипа в наименьшей степени. В практике древнерусских писцов бывали случаи, когда добросовестный переписчик брал несколько списков одного и того же памятника и, изготовляя новый список, заменял отдельные места своего основного оригинала более, по его мнению, исправными чтениями других списков (это обстоятельство подчеркивает и Д. С. Лихачев). Разумеется, средневековый переписчик, проводивший такую «текстологическую работу», не располагал научной методикой нынешней текстологии и вышедший из-под его пера список не всегда оказывался действительно ближе к архетипу. Однако такой список не менее ценен для современного текстолога, чем другие. Если же подобного рода работу выполняет сам современный текстолог на основе установления генеалогии всех известных науке списков, то список, вышедший из-под пера текстолога, представляет больший научный интерес, чем какой-либо из средневековых списков. Публикацию именно такого списка и содержит, в сущности, верхняя часть страниц современного критического издания — текст ее ближе к искомому пратексту, чем любой из дошедших средневековых списков. О самих же этих списках можно получить полное представление с помощью разночтений.

Насколько можно судить по книге Д. С. Лихачева, он не усматривает принципиальной разницы между современным критическим изданием, включающим реконструкцию публикуемого памятника, и «сводными» текстами, издания которых предпринимались на заре развития текстологии (455—458 и др.). Он пишет в этой связи, что если печатать текст «на основании различных чтений разновременных текстов и при этом лишь „приближающий“ нас к авторскому тексту в отдельных своих частях, а в других частях остающийся поздним, то это значит... придерживаться антиисторических принципов издания текста» (457). В дей-

ствительности частичные реконструкции осуществляют как раз обратное — уменьшают «разновременность» в издаваемом тексте основного списка, удаляя те из его поздних чтений, которые удаются обоснованно и безболезненно для всего текста заменить чтениями других списков, более точных.

Более подробно Д. С. Лихачев останавливается на соотношении изданий и реконструкций в специальной статье⁷³, к которой он и отсылает читателей своей книги (467). Здесь говорится, что в основной список можно вносить только такие изменения, которые необходимы, чтобы текст был «удобочитаемым, удобопонимаемым и удобоцитируемым»⁷⁴. «В критическом издании, — утверждает автор, — допустимы исправления только таких мест, которые явно не имеют осмысленного чтения (разумеется, с соответствующими оговорками в примечаниях)»⁷⁵. Отсюда и вывод Д. С. Лихачева, что существует «принципиальное и резкое различие между изменениями, вносимыми в текст списков при реконструкции, и изменениями, вносимыми в текст списков при научном издании» (454). Спорность этого вывода и отдельных суждений, на которых он базируется, проще всего показать с помощью конкретного примера. Чтобы не впасть в односторонность, используем именно ту публикацию, которая, по словам самого Д. С. Лихачева, есть издание «подлинных текстов» и выполнена исследователем, который «отделяет задачи издания подлинного текста от издания реконструкции» (467) — научное издание «Задонщины» В. П. Адриановой-Перетц. Предваряя свою публикацию, В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Не задаваясь в настоящий момент целью восстановить авторский текст Софронии, попытаемся прежде всего представить ту редакцию Задонщины, которую мы знаем по сохранившимся спискам. Не внося предположительных поправок, восстановим эту редакцию, опираясь только на эти списки и на цитаты из Задонщины в Сказании о Мамаевом побоище»⁷⁶. Факт совмещения реконструкции с публикацией реально дошедших списков — вне сомнений. Это прекрасно видно и при обращении к самому тексту издания⁷⁷. В очень многих случаях вполне осмысленные и согласованные с контекстом чтения основного списка заменены здесь чтениями других списков. Нередко целые фразы заменяются фразами других списков, где стилистический облик, а иногда и смысл, оказывается иным:

Основной список

И тогда аки соколы борзо полетели: поскакивает князь великий Дмитрий Иванович с своими полки и со всею силою.

Уподобился еси милому младенцу у матери своей.

Слава тебе, господи боже мой, помиловал нас.

Иногда в текст основного списка вводятся даже фразы, совершенно в нем отсутствовавшие:

⁷³ Д. С. Лихачев. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов. Статья эта является полемическим ответом на статью А. А. Зимина «О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.» («Исторический архив», 1956, № 6).

⁷⁴ Д. С. Лихачев. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов, стр. 155.

⁷⁵ Там же, стр. 157. (Подчеркнуто мной. — С. А.).

⁷⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. «Труды ОДРЛ», т. V, М. — Л., 1947, стр. 195. (Подчеркнуто мной. — С. А.).

⁷⁷ См. там же, стр. 200—205. Оставляем в стороне вопрос о том, удачно ли произведено здесь само реконструирование: нас интересует сейчас техника работы, а не ее конкретный научный результат.

Текст издания

И тогда аки соколы борзо полетели на быстрый Дон. То те не орле полетеша за быстрый Дон, поскакивает князь великий Дмитрий Иванович с своими полки и со всею силою.

Нам земля подобна ест Руская милому младенцу у матери своей, его же матери тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милуют его.

И помиловал бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество.

И восплакались жены коломенские,
а ркут тако.

А уже Диво кличет под саблями татарь-
скими, а тем рускым богатырем под ра-
нами. Тут широве рано въспели жало-
стные песни у Коломны на забралах, на
воскресение на Акима и Аннин день. То
ги было не щурове рано въспеша жало-
стные песни, и восплакались жены коло-
менские аркучи тако.

Количество подобных примеров можно было бы умножить, хотя сам текст публикации сравнительно невелик. Вообще же введение элементов реконструкции в издание отнюдь не составляет отличие этой публикации от других. Именно восстановление архетипа (полное или частичное) и есть реализация в критическом издании результатов выяснения текстологом истории текстов произведения.

Но встречаются и издания иного типа. Примером их может служить осуществленная Д. С. Лихачевым 17 лет назад публикация повестей о Николe Заразском. Здесь, действительно, в основном списке каждой редакции исправлены только механические искажения, только слова, которые явно не имеют осмысленного чтения. Эта особенность была тогда исчерпывающе объяснена в предисловии самим издателем: «Во избежание субъективной интерпретации малоизученного текста повестей о Николe Заразском мы не ставили себе задачей при их издании восстановление архетипов тех или иных редакций. Каждая из редакций издается нами по лучшему списку с привлечением вариантов только тех списков, которые имеют значение для будущего восстановления первоначального текста или для его истории»⁷⁸. Публикатор, как видим, сообщал, что он не изучил еще историю текстов в такой мере, чтобы это позволило ему восстанавливать архетипы редакций: издание является материалом для более глубокого изучения истории публикуемых текстов. Теперь Д. С. Лихачев выдвигает его в качестве образца текстологической работы, посвятив ему в общей сложности около 20 страниц (больше, чем всем трудам А. А. Шахматова, вместе взятым). В «Текстологии» повторены все существенные моменты введения к этой публикации — кроме цитированного выше указания на то, что ее особенности есть результат незавершенности текстологического изучения списков. В очевидном противоречии с собственным требованием «сперва изучить историю текста и потом издавать, а не сперва издавать и потом по этому изданию изучать историю текста произведения», Д. С. Лихачев настаивает, что именно такого рода публикации — единственно допустимый тип критического издания древнерусских памятников для историков и литературоведов.

Можно было бы привести много примеров того, как лучшие наши критические издания совмещают полную публикацию списков с частичным реконструированием их архетипа — не ограничиваясь исправлением только тех мест в тексте основного списка, которые «явно не имеют осмысленного чтения». Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить принципы передачи текстов в таких, например, изданиях, осуществленных по нескольким или многим спискам, как «Русская Правда», «Судебники XV—XVI веков», «Закон судный людем», последние томы Полного собрания русских летописей, издания Новгородской первой и Псковских летописей, — как и в целом ряде других. Достижения современной археографической методики свидетельствуют, что для обеспечения высокого научного уровня критических изданий следует добиваться не изгнания из этих изданий элементов реконструкции, а их максимальной текстологической обоснованности и полной документированности их в самом издании реально дошедшими текстами.

⁷⁸ Д. С. Лихачев. Повести о Николe Заразском, стр. 281. (Подчеркнуто мной.— С. А.).